

Р.М.Лазарчук

**Череповецкий государственный
педагогический институт**

ПИСЬМА А.С.ПУШКИНА
(к проблеме генезиса прозаического стиля)

Основные пути формирования пушкинской прозы уже выявлены исследователями (1). Между тем в становлении ее “участвовали” и письма поэта, проделавшие сложную эволюцию от “карамзинистской шуточной перифразы <...> ранних писем до фразеологической простоты <...> позднейших” (2). Это замечание Ю.Н.Тынянова во многом определило направление нашего анализа.

Осознание перифразы в качестве важнейшего показателя связи ранних писем Пушкина с традицией поэтической прозы не случайно. Именно перифраз обнажает свойственное романтической поэтике орнаментальное отношение к слову: точному знанию предмета, прямому называнию его противостоит описание. Ближайшие источники перифразы - дружеское послание, маскирующее, перифразирующее адресата, автора, их быт, и романтическая элегия. Связь этих поэтических жанров с ранней эпистолярной прозой Пушкина предельно обнажена, проявляется внешне. Широко открытое стиху, письмо поэта оказывается в то же время и чрезмерно избирательным: цитируются лишь собственные послания и элегии. Такой строгий отбор задан не столько традицией (канонический для конца XVIII - начала XIX вв. тип письма в стихах и прозе допускает значительно большее разнообразие стиховых форм), сколько законами романтической поэтики. Стих нужен этой прозе как фон, с которым она "конкурирует в сладкозвучии и ритмизации" (3). Стиховые вставки в ранних письмах Пушкина никогда не выступают в качестве эмоционального или стилистического контраста к прозе. Они слиты с ней: "... ты один из всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости вспомнил обо мне кстати или некстати. Два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова .....

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, золотая чаша,
В руках веселых остряков?

.....
В изгнанье скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас..." (XIII,47) (4)

Это своеобразное единство стиля создается не только

темой и настроением. Самый механизм “сцепления” стихов и прозы призван подчеркнуть незаметность переходов, создать иллюзию их взаимозаменяемости. Изысканный обрыв, отмеченный многоточием (.....), не разделяет стих и прозу, а создает паузу, такую емкую и такую значимую в системе романтического стиля.

Послание и элегия не только входят в письмо, они превращаются в важнейший источник поэтической фразеологии, обогащающий прозаическую речь. В письмах Пушкина 1816-1821 гг. перифраз почти всегда воспринимается как нечто вторичное, а не вновь созданное, как цитата, еще точнее - автореминисценция. Подобно стиховым вставкам, поэтическая цитата попадает в стилистически однородный контекст, в котором поэзия и проза максимально сближены: “Помнишь ли ты, житель свободной Англии, что есть на свете Псковская губерния, твой ленивец, которого ты, верно, помнишь, который о тебе каждый день грустит, на которого сердишься и...” (XIII, 10). (Ср., например, в послании “К Батюшкову”: Философ резвый и пиит, Парнасский счастливый ленивец...).

Однако перифраз вовсе не был органическим свойством стилистики писем Пушкина только на определенном (раннем) этапе (5). Этот стилистический прием сохраняется и в поздних письмах поэта. Меняется лишь функция перифраза: он становится средством литературной полемики с той традицией, на которую был ориентирован и в развитии которой ранее участвовал. Эволюция функции перифраза в пушкинских письмах есть следствие решительного преобразования его структуры, а оно выражается, прежде всего, в прозаизации структурных единиц. Принципиальное изменение взглядов Пушкина на поэзию (своеобразной декларацией их станет “Разговор книгопродавца с поэтом” (1824) приводит к отказу от использования в качестве опорных слов-сигналов мифологического имени (оно было знаком высокого, торжественного решения темы поэтического творчества) или лексики, отвечающей нормам салонно-светского этикета (к перифразам такого типа обращались Батюшков, Вяземский и др. поэты

“новой” школы, декларировавшие взгляд на поэзию как шалость и забаву, легкий труд, а не тяжелый, вдохновенный подвиг). Подчеркнуто прозаическое представление о творческом процессе (“... на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышном. Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар” (XIII,59) реализуется в перифразе нового типа (стихи - товар). Перифрастическая модель наполняется бытовой лексикой; в качестве опорного слова-символа демонстративно выдвинуто нарочито не поэтическое слово. Лишенное определяющего члена, оно предельно оголено. На смену орнаментальному отношению к слову явилась “потребность в использовании смысловой “предметности” (6).

Сходные тенденции обнаруживаются и в употреблении литературной цитаты. При всем разнообразии цитируемого материала, принципов ввода его в текст и комбинаций внутри текста, определяющим становится пародийное использование “чужого текста”. Оно возникает в результате несоответствия поэтизма и его лексического окружения (например, незначущая тема и высокий тон фразеологизма: “... по сперва дайте знать *минутным друзьям моей минутной младости*, чтоб они прислали мне денег, чем они чрезвычайно обяжут *искателя новых приключений*” (7) (XIII,29). Нормой цитации становится перефразировка и даже переделка “чужого текста”: “Я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает когда выкарабкаюсь. Ты - барахтайся в грязи отчества и думай: Отчества и грязь сладка нам и приятна” (XIII,60). В ранних письмах поэта можно отметить лишь случаи точного, буквального цитирования.

Гораздо сложнее и многообразнее функция стихотворных вставок в письмах Пушкина 2-ой половины 1820-х - 1830-х гг. Преобладает тип стихотворного текста, прямо не связанный с прозаическим. Включение стихов мотивировано чисто практической целью. Не случайно почти все они связаны с теми адресатами поэта (Дельвиг, Гнедич, Вяземский, Плетнев), которые непосредственно ведали издательскими делами

Пушкина. Этот тип стихотворных вставок мыслится вне прозаического текста, дается в качестве своеобразного приложения к нему. Подобной “нейтральностью” употребления отмечены стихи, свои и чужие, цитируемые либо в порядке информации (см. письмо Л.С.Пушкину, 1 половина мая 1825 г. (XIII, 174), либо как объект критического анализа (разбор “Водопада” Вяземского (XIII, 209-210)). Напротив, стихотворные вставки в духе иронического дружеского послания или шутиwego экспромта (подобно стихотворным вставкам в письмах поэта 1816 - 1821 гг.) слиты с прозой. Но это слитность иного рода и на иной, сугубо прозаической или пародийной основе (П.А.Вяземскому. Около 7 ноября 1825 г. (XIII, 239-240)).

Общезвестно, что непосредственному обращению Пушкина к прозе предшествовало теоретическое осмысление проблемы. “Точность и краткость” (поэт называл их “первыми достоинствами прозы” (XI, 19) формулируются им в качестве основных законов реалистического стиля задолго до появления классических образцов пушкинской прозы. Подобное опережение практики теорией закономерно. Осознание поэтической прозы как пройденного этапа, стремление полемически противопоставить ей собственную позицию опиралось и на свой опыт. В этом убеждают ранние письма Пушкина, составившие вместе с записями лицейского дневника и наброском 1819 г. “Надипька”, начальный этап формирования пушкинской прозы.

1. Сидяков Л.С. Начальный этап формирования пушкинской прозы: 1815-1822 // Пушкинский сб. - Рига, 1968. -С.5-23; Петрунина Н.Н. Проза Пушкина: Пути эволюции. -Л., 1987. -С.5-47.

2. Тынянов Ю.Н. Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. -М.,1968. -С.159-160.

3. Эйхенбаум Б. Путь Пушкина к прозе // Эйхенбаум Б. О прозе. -Л., 1969. -С.216.

4. Тексты Пушкина приводятся по изданию: Пушкин А.С.

- Полн. собр. соч.: В 17 т. -М.: Л., 1937-1949. В скобках указываются том (римской цифрой) и страница (арабской).
5. Тынянов Ю.Н. Пушкин. -С.159.
  6. Эйхенбаум Б. Путь Пушкина к прозе. -С.216.
  7. Цит. элегия "Погасло дневное светило ..."

Ольга Глушко